

Евангеліе, какъ основа жизни (по поводу современныхъ соціально-экономическихъ вопросовъ) ¹⁾.

Горизонтъ, Богу благодареніе, становится яснѣе, но тяжелое для насъ время все-таки продолжается. Кругомъ себя мы видимъ еще сравнительно мало работы твердой, устойчивой, положительной, а идетъ все та же всякаго рода борьба. Самый честный и благородный человѣкъ нынѣ часто недоумѣваетъ, очутившись въ этомъ головокружительномъ вихрѣ жизни, что дѣлать, какъ дѣйствовать, куда склониться и на чемъ остановиться. Вѣдь всякаго рода партіи появляются у насъ, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ, и также быстро отходятъ* на задній планъ, и смѣняются другими столь же недолговѣчными направленіями мысли и жизни. Въ такое время, болѣе чѣмъ когда-либо, человѣкъ имѣетъ нужду въ твердой опорѣ для своей жизни и дѣятельности. Что дѣлать, какъ намъ жить, по какому пути идти, чего неизмѣнно держаться? Дѣлайте правду Божию, живите по Евангелію, все провѣряйте его вѣчно жизнечнымъ и неизмѣннымъ въ своей истинности словомъ, держите—если можно такъ выразиться—вездѣ и во всемъ „евангельскій курсъ“. Но, вѣдь, само Евангеліе понимается различно и часто совершенно перетолковывается, примѣняясь тамъ, гдѣ оно не примѣнимо, а еще чаще примѣняясь въ такой формѣ, которая безусловно

¹⁾ Чтеніе, предложенное въ Кіевскомъ Религіозно-просвѣтительномъ Обществѣ 2 марта 1906 г.

противорѣчить его существу. Вотъ почему мы и намѣреваемся остановить Ваше просвѣщенное вниманіе на выясненіи евангельской основы жизни,—основы единственно твердой, устойчивой и неизмѣнной, какъ основы богооткровенной. Предметъ этотъ слишкомъ широкъ и разнообразенъ, и мы остановимся здѣсь только на самомъ, по нашему мнѣнію, главномъ и существенномъ, имѣя при этомъ въ виду современныя нужды и запросы.

I.

Сомнѣнію не подлежитъ, что именно Евангеліе, а не что-либо другое, должно быть основой нашей жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ; Евангелія не могутъ замѣнить ни отвлеченная, сухая наука, ни всегда колеблющаяся и измѣняющаяся въ своихъ построеніяхъ философія. Много враговъ имѣетъ христіанство, нападающихъ на него съ разныхъ сторонъ, но противниковъ евангельской нравственности сравнительно весьма мало, и сами враги христіанства превозносятъ евангельскую мораль, живо чувствуя ея высоту и величіе. Одинъ изъ нынѣ видныхъ западныхъ рационалистовъ-богослововъ, извѣстный ученый А. Гарнаккъ, имѣя въ виду этическую сторону христіанства, говоритъ, что Евангеліе ни въ какомъ случаѣ нельзя считать чѣмъ-то жившимъ свой вѣкъ и его никогда нельзя замѣнить чѣмъ-либо другимъ болѣе современнымъ, отвѣчающимъ жизни ¹⁾). Евангеліе, какъ основу жизни, можетъ отрицать только тотъ, кто знаетъ одну бездушную матерію и ея неумолимые законы; кто жизнь человѣческую иначе не представляетъ, какъ основанную борьбу сильнаго съ слабымъ и торжество въ той борьбѣ силы; кто на мѣсто Богочеловѣчества поставляетъ

¹⁾ Das Wesen des Christenthums, Aufl. 5, Leipzig, 1901.

человѣкобожество и знаетъ только себя, какъ центръ всего и свой эгоизмъ, какъ мѣрило всякой своей дѣятельности.

Ныѣшнее безусловное господство эмпиризма не могло не сказаться, конечно, и на пониманіи Евангеліа. Грубымъ эмпиризмъ все измѣряетъ непосредственною пользою и выгодною; хорошо и удобопріемлемо для него то, что приноситъ непосредственные практические результаты, и, наоборотъ, все сверхъчужественное, невидимое, совершенно отбрасывается, какъ никому ненужный, только обременяющій нашъ умъ, излишній балластъ. Сообразно этому возрѣнію и Евангеліе стараются омірщить, или оземлнить, и Евангеліе неба и для неба желаютъ всецѣло превратить въ Евангеліе земли и для земли. Иначе говоря, Евангеліе оцѣниваютъ только съ той стороны, по которой оно создало бы земное благополучіе, сдѣлало бы человѣка сытымъ, довольнымъ и благодушнымъ. Это есть несомнѣнная подмѣна евангельской морали, или, во всякомъ случаѣ, крайне узкое и одностороннее ея пониманіе. Что ни говорятъ, а Евангеліе прежде всего обращаетъ нашу мысль къ вѣчному, духовному и неизмѣнному; оно усиленно разъясняетъ, что душа наша, ея внутреннее, нашъ сокровенный человѣкъ, лучше нищѣ, лучше одежѣ; оно требуетъ отъ насъ искать прежде всего Царства Божія и его правды. Евангеліе желаетъ освободить насъ отъ суетной мірской заботы,—заботы, конечно, не о хлѣбѣ насущномъ, а отъ той, каждому изъ насъ извѣстной, безконечно разнообразной суетливости, постоянной погони за земными благами. И какую, нужно сказать, силу духа, какую крѣпость и независимость, мы создали бы себѣ, если бы слѣдовали всегда этому высокому евангельскому: „не пецытесе“. Не были бы мы тогда рабами людей, рабами дня и земныхъ вещей¹⁾. „Я“—говорить Христосъ Спаситель—„есть путь, истина и

¹⁾ *A Harnack, Das Wesen des Christenthums, S. 54. 55. Ср. проф. П. И. Лепорскій, Христианство и современное мировозрѣніе въ Хр. Чтеніи 1903 кн. 1 стран. 18*

жизнь“ (Иоан. 14, 6)—это жизнь духа, жизнь примиреннаго и обновленнаго человѣка, нашедшаго удовлетвореніе всѣхъ своихъ высшихъ духовныхъ потребностей, пребывающаго въ радостномъ сознаніи своего Богосыновства и единенія съ своимъ Искупителемъ и Примирителемъ. „Я живу“—говорить Спаситель—„и вы живы будете (Иоан. 14, 19),—тою же вѣчною духовною жизнью; во Мнѣ источникъ воды, текущей въ эту жизнь (Иоан. 4, 14). Безконечно высокъ евангельскій идеаль богоуподобленія и богосыновства, и никогда еловѣчество, при всемъ его прогрессивномъ движеніи, пережить его не можетъ, ибо онъ относится къ дѣйствительности, какъ безусловное къ условному, вѣчное и неизмѣнное—къ временному и скоропреходящему. Сомнѣнію не подлежитъ, то евангельскій путь есть путь самоотреченія; онъ путь узкій, въ него ведутъ врата тѣсныя и спасающихся немного (Матѳ. 7, 13. 14; Лук. 13, 23. 24).

Однако, въ противоположную крайность впадаютъ тѣ, которые, во имя Евангелія, отрицаютъ естественную жизнь ея естественныя радости. Для нихъ—вездѣ мракъ, темнота и уныніе; они не столько любятъ людей Христовою любовью, сколько высокомерно и фарисейски сожалеютъ о человѣческомъ неразуміи. Въ дѣйствительности же Евангеліе требуетъ отъ насъ непременно бѣгства отъ міра, а оно нитъ бѣгству отъ міра грѣха, и призываетъ къ борьбѣ съ ромъ и его главными врагами—чувственностью, гордостью, билюбіемъ. Евангельскій аскетизмъ—это самоотреченіе, моиспытаніе, борьба съ чувственными побужденіями и страями, и такой аскетизмъ отъ каждаго изъ насъ требуется, о безъ него невозможна никакая нравственная жизнь. ангеліе не отрицаетъ земныхъ благъ, а учитъ только не отрѣтъ на нихъ, какъ на вѣчто самоцѣльное и самодовлѣю-е¹⁾. Нѣтъ Евангелія съ „упраздненнымъ небомъ“, но

¹⁾ Ср. священникъ Г. Петровъ, Евангеліе, какъ основа жизни, 4 изд., С.-Петербургъ, 1900, стран. 110 и дал.

Евангеліе не отрѣшается и отъ настоящей жизни, ибо оно знаетъ нужду, знаетъ тѣлесныя потребности и ясно говоритъ, что послѣднія должны быть удовлетворены. Но духовное всегда необходимо предпочитать тѣлесному и ради земного благополучія нельзя жертвовать самымъ цѣннымъ—своею безсмертною душою. „На землѣ должна отразиться печать неба; земля должна обратиться въ орудіе духа“.

Ежедневно мы молимся: „да прійдетъ царствіе Твое“ (Матѳ. 6, 10; Лук. 11, 2) Это царство есть именно отраженіе неба,—царство, гдѣ господствуетъ правда и любви. Божія, воля Божія служитъ закономъ жизни и все разъединенное эгоизмомъ вновь возвращается къ прежнему единенію и гармоніи. Но въ своемъ полномъ осуществленіи это царство есть „небо“,—царство, уготованное праведнымъ отъ сложенія міра, гдѣ Богъ будетъ „все во всемъ“. Такой же двусторонній характеръ имѣетъ и „вѣчная жизнь“, о которой такъ часто говоритъ намъ Евангеліе. Мы обладаемъ этою вѣчною жизнью уже здѣсь, на землѣ, когда вѣруемъ въ явившуюся намъ самосущую Жизнь—Сына Божія, находимся въ единеніи съ Нимъ, осуществляемъ принесенныя Имъ вѣчныя начала правды и любви; это есть жизнь въ собственномъ смыслѣ,—жизнь истинная, жизнь Божія, въ которой нѣтъ ничего призрачнаго, случайнаго, имѣющаго только видъ дѣйствительности, а на самомъ дѣлѣ недѣйствительнаго, нереальнаго; это есть подлинное осуществленіе нашего назначенія и потому жизнь блаженная, доставляющая намъ высшее счастье и удовлетвореніе. Но въ полномъ своемъ осуществленіи „вѣчная жизнь“ есть „небо“,—жизнь въ обителяхъ небесныхъ, жизнь не прекращающаяся въ лицезрѣніи самосущей Жизни—Бога.

Нигдѣ въ Евангеліи такъ ясно не указано на это блаженство обладанія вѣчною жизнью чрезъ осуществленіе правды Божіей, какъ въ нагорной бесѣдѣ Христа Спасителя, каждому изъ насъ хорошо извѣстной. Основная мысль

бесѣды выражается въ словахъ: „блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тѣи насытятся“. Въ отношеніи къ себѣ самому правда Христова есть нищенство духомъ, т. е. сознаніе своей слабости, немогущности, въ виду возлагаемой на насъ безконечной нравственной задачи богоуподобленія; сознаніе необходимости страданія, подвига, при осуществленіи этой задачи; чистота сердца, преображающая челоуѣка, дающая ему возможность зрѣть Бога. Въ отношеніи къ другимъ правда Христова требуетъ кротости, милосердія, миротворенія, любви въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, доходящей даже до любви къ нашимъ врагамъ. „Блажени алчущіи и жаждущіи правды“! Они блаженны уже здѣсь на землѣ, ибо осуществленіе правды доставляетъ собою внутреннее самоблаженство; но полное торжество правды Божіей надъ челоуѣческой неправдою и полное насыщеніе правдою Христовою тамъ,— въ новомъ небѣ и новой землѣ, гдѣ „живетъ правда“. Евангеліе со всею силою вооружается противъ фарисейской праведности, которая вращается на одной только виѣшней сторонѣ, на показности ея людямъ, на прославленіи ея на землѣ. Наоборотъ, правда Христова есть правда внутренняя, очищающая наше сердце. И милостыня, и молитва, и постъ должны имѣть внутренній характеръ: они ищутъ не показности, а уединенія, духовной сосредоточенности. Вопреки фарисейскому сребролюбію, гордости, ханжеству, нужна нелюбостыжательность, смиреніе, истинное благоговѣніе ко всему святому ¹⁾).

Христіанство есть религія духа. Оно вездѣ заповѣдуетъ гармонію вѣры и жизни, и оно страшный врагъ пустого, холднаго правовѣрія и обрядовѣрія. Быть христіаниномъ— значитъ жить по-христіански, творить дѣла Христовы и

¹⁾ Проф. М. Д. Муретовъ, Евангеліе по Матѣю, въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1899, кн. 4, стран. 531 и дал.

ведѣ и во всемъ отличатье отъ язычниковъ, не вѣдающихъ истиннаго Бога. Къ прискорбію, мы часто являемъ христіанами только по имени, а духа Христова въ насъ нѣтъ и его замѣняетъ мертвая форма, не дающая жизни...

Нельзя, какимъ бы то ни было способомъ, прикинуть высокое ученіе Евангелія. Евангелійская жизнь есть несомнѣнный подвигъ и, по слову Господа, царство Божіе „обретается силою“ (Матт. 11, 12), что обнаруживается въ борьбѣ со всякаго рода чувственностью. Евангеліе не заключаетъ въ себѣ никакого утилитаризма, а тѣмъ болѣе эдмонизма, въ чемъ его иногда обвиняютъ. „Вся убо — говоритъ Христосъ Спаситель — „елика аще хощете, да творятъ вамъ челоуѣцы, тако и вы творите имъ“ (Матт. 7, 12). Это не есть правило холоднаго эгоизма, все измѣряющаго личною пользою, или вредомъ. Христосъ Спаситель не учитъ *что* хотите, чтобы дѣлали вамъ, *то* самое дѣлайте другимъ“, а говоритъ: „*такъ* поступайте и вы съ ними т. е. поступайте такимъ же образомъ, въ такомъ же и строеніи, съ какимъ настроеніемъ вы желали бы, чтобы отнѣсились къ вамъ; а это настроеніе есть подвигъ любви, пренебрегающей личною пользою или выгодною и часто дѣйствующей совершенно вопреки ей. Любовь къ себѣ самому, которая для насъ совершенно ясна и очевидна, должна быть мериломъ нашей любви къ ближнему, который есть такое же чадо Отца небеснаго. Евангелійскія слова вовсе не означаютъ, что можно оставаться на точкѣ безразличія тамъ, гдѣ нѣтъ для меня ни пользы, ни вреда: евангелійская любовь всегда дѣятельна и спасеніе ближняго неизмѣнно должно быть для меня такъ же дорого, какъ дорого мнѣ мое собственное спасеніе. — Евангеліе обѣщаетъ намъ награду за добрую жизнь, но эта награда не есть исключительное побужденіе къ добродѣланію, а является только слѣдствіемъ добродѣтели уже отчасти обнаруживающимся и въ этой жизни. Мы не должны, подобно наемникамъ, трудиться ради мзды, а долж-

подвизаться изъ любви ко Христу и Его святому закону, чрезъ осуществленіе котораго исполняемъ свое назначеніе; богоуподобленіе—вотъ начало нашей жизни. При томъ, Евангеліе не обѣщаетъ намъ какихъ нибудь чувственныхъ удовольствій, а евангельская „мзда велія“ имѣетъ тотъ же внутренній, духовный характеръ: это лицеизрѣніе Бога, наслѣдованіе духовнаго богатства, связаннаго съ вѣрою, любовію и надеждою, огрѣшеніе отъ всего того, что пылъ насъ стѣсняетъ и ограничиваетъ на пути добродѣланія. „Блаженни кротцые, яко тѣи наслѣдять землю“ (Матѳ. 5, 4),— не чувственную, конечно, землю, а землю иную: силою своей кротости они побѣждаютъ зло противостоящаго имъ враждебнаго міра и утверждаютъ и расширяютъ то царство Божіе, которое никакими враждебными силами не искоренится, а въ будущемъ—они наслѣдуютъ новый Іерусалимъ, гдѣ живетъ правда, миръ и гдѣ устранено всякое богоборное начало. „Азъ завѣщаваю вамъ“—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Христосъ ученикамъ— „якоже завѣща мнѣ Отецъ мой, царство, да ясте и піете на трапезѣ моей во царствіи моемъ и сядете на престолѣхъ, судяще обоимнадесяте колѣномъ Израилевымъ“ (Лук. 22, 29. 30; ср. Матѳ. 19, 28). Это образъ не чувственнаго, а духовнаго блаженства,—участія Апостоловъ въ славѣ Христовой; Апостолы будутъ судить Израиля въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорится въ другомъ мѣстѣ, что „святые будутъ судить міръ“ (1 Коринѳ. 6, 2), т. е. они осудятъ Израиля своею вѣрою во Христа, любовью къ Немъ, проповѣдью о Немъ, своими страданіями, претерпѣнными за Его имя. Но, съ другой стороны, Евангеліе не отрѣшается и отъ земной жизни, и Христосъ Спаситель, на вопросъ ап. Петра: „вотъ, мы оставили все и послѣдовали за Тобою“ (Марк. 10, 28), сказалъ въ отвѣтъ: „истинно говорю вамъ: нѣтъ ни кого, кто оставилъ бы домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради Меня и Евангелія и не

получилъ бы нынѣ, во время сіе, среди гоненій, во сто кратъ болѣе домовъ, и братьевъ, и сестеръ, и отцевъ, и матерей, и дѣтей, и земель, а въ вѣкѣ грядущемъ жизни вѣчной“ (Марк. 10, 29. 30; ср. Матѳ. 19, 29; Лук. 29. 30). Ничего, конечно, въ этихъ словахъ нѣтъ чувственнаго, матеріальнаго: рѣчь идетъ о духовныхъ для ученика Христова отцахъ (1 Коринт. 4, 15), духовныхъ матеряхъ (Римл. 16, 13), духовныхъ братьяхъ и духовныхъ чадахъ. Но о какихъ, спрашивается, „домахъ“ и о какихъ „земляхъ“ здѣсь говорится? Истинный послѣдователь Христовъ найдетъ для себя и во время гоненій домъ и кровъ, какъ нашли его Апостолы въ Филиппахъ, по просьбѣ Лидіи, увѣровавшей во Христа (Дѣян. 16, 14. 15),—какъ обрѣталъ его св. Апостолъ Павелъ въ своихъ великихъ благовѣстническихъ трудахъ (Дѣян. 18, 2. 7; 19, 9). Истиннаго ученика Христова и во время гоненій ванитаютъ отъ имѣній своихъ, отверзутъ для него свое сердце, такъ что онъ явится какъ бы обладателемъ этихъ имѣній, ибо будетъ пользоваться всѣмъ насущно ему необходимымъ, а обладаютъ именно тѣмъ, чѣмъ пользуются, и, наоборотъ, не владѣютъ тѣмъ, что лежатъ безъ всякаго употребленія. Великое, но трудно исполнимое Евангельское слово: не „пецыгесь“!

Не заключая въ себѣ ничего утилитарнаго, или эвдемонистическаго, Евангеліе учитъ не о *добротѣ* только дѣлѣ, но и о дѣлѣ *прекрасномъ*. Что сказалъ Хригосъ Спаситель, когда одна женщина, по всей вѣроятности Марія, сестра Лазаря, во время вечера въ Вифаніи, въ домѣ Симона прокаженнаго, „приступила къ Нему съ алавастровымъ сосудомъ мвра драгоцѣннаго и воздвигала Ему возлежащему на годову“ (Матѳ. 26, 7; Марк. 14, 3; Иоан. 12, 3)? Ученики Господа при этомъ „вознегодовали и говорили: къ чему такая трата? Ибо можно было бы продать это мвро за большую цѣну и дать нищимъ“ (Матѳ. 26, 8. 9). Господь же сказалъ имъ: „что смущаете женщину? она доброе дѣло сдѣла-

та для Меня. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда имѣете. Возливъ миро сіе на Тѣло Мое, она приготовила Меня къ погребенію“ (Матѳ. 26, 10—12). Не всегда, значитъ, благотворить нищимъ, не всегда стровить богачдѣлни и дешевыя столовыя. Можно воздвигнуть великодушный храмъ, создать музей изящныхъ искусствъ, художественный памятникъ. Поэзія и эстетика въ душѣ человѣка неугасимы. Любовь Маріи къ Богочеловѣку, „увлеченіе ея Эго глаголами вѣчной жизни и единымъ на потребу выразилась именно въ этомъ *прекрасномъ дѣлѣ* (*καλὸν ἔργον*), въ эстетикѣ намащенія Владыки вѣчной жизни драгоценнымъ и востоящимъ народнымъ муромъ, наполнившимъ весь домъ благовоніемъ“¹⁾.

Если мы будемъ жить по Евангелію, ни одна высшая потребность нашей души не останется неудовлетворенною.

II.

Евангелю, несомнѣнно, обращается прежде всего къ оцѣльному человѣку, въ какомъ бы званіи, состояніи и положенія онъ ни находился; оно знаетъ ближе всего бессмертную душу человѣка; область осуществленія Евангелія, съ его безконечнымъ идеаломъ богоуподобленія, есть внутреннее личное духовное творчество. Но личность, какъ извѣстно, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ обществомъ, неотдѣлима отъ него, и потому возрожденіе личности сказывается и обновленіемъ общественности. Отсюда, нельзя безусловно индивидуализировать христіанство и во имя его „абсолютизма“ отвергать приложимость его абсолютнаго идеала въ государствѣ, обществѣ, наукѣ, искусствѣ и т. п., т. е. отвергать возможность христіанскаго государства, христіанской

¹⁾ Проф. М. Д. Муретовъ., Иуда Предатель, въ Богословствникѣ, 1905, кн. 9. стран. 42, ср. 43. 44.

политики, христіанської науки, или христіанського искусства. Безусловное не можетъ, конечно, вмѣщаться условнымъ, но оно можетъ въ немъ отражаться, и въ данномъ случаѣ оно отражается въ немъ не непосредственно, а посредственно, именно чрезъ вліяніе личности. Условное сохраняетъ свое естественное, нормальное развитіе, соответствующее его природѣ, но это развитіе управляется вездѣ высшею иіею. Что здѣсь есть невозможнаго? Вѣдь и сама личность есть также условное, отражающее въ себѣ евангельское безусловное, по мѣрѣ своихъ силъ и энергии. Не евангельское безусловное приспособляется къ разнымъ формамъ жизни, а послѣднія постепенно имъ нормируются и преобразуются, оставаясь все-таки естественными формами жизни.

Проще говоря, Евангеліе, при всей его высотѣ, должно проникнуть, насколько возможно, во все наши жизненные отношенія. „Личная сила любви, ставши жизнью личного духа, требуетъ все болѣе и болѣе полной реализаціи любви во вѣдшихъ отношеніяхъ“ ¹⁾. Это психологически совершенно понятно. „Когда человекъ будетъ братомъ человеку, тогда оный не будетъ врагомъ и по отношенію къ обществу. Съ улучшеніемъ отношеній между отдельными лицами, улучшатся отношенія и между цѣлыми миллионами людей“ ²⁾.

Христіанство не вторгается прямо въ земныя дѣла; прямого вмѣшательства въ государственную и общественную жизнь оно не дѣлаетъ. Совершенно вѣрно, что „Евангеліе нельзя непосредственно прилагать къ рѣшенію вопросовъ государственныхъ“ ³⁾; государства нельзя основать прямо на

¹⁾ *Еп. Платонъ*, Христіанство и социализмъ, въ Трудахъ Киевской Духовной Академии, 1900, кн. 11, стр. 341.

²⁾ Тамъ же, стр. 335.

³⁾ *Проф. М. Тарьевъ*, Духъ и плоть, въ Богослов. Вѣстникѣ, 1905, кн. 1, стр. 23.

Евангеліи ¹⁾, ибо нравственный и юридическій строй не совпадаютъ и никогда между собою не сольются. Много разъ разъяснялось, что христіанство безразлично къ формѣ государственной жизни, т. е. этой формы оно не устанавливаетъ ²⁾, а говоритъ только о необходимости вообще государственной власти, которая стъ Бога и которой безусловно необходимо повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть. Мы пережили ужасное время, и знаемъ каждый по своему личному опыту, что такое власть, и насколько власть, какая бы она ни была, лучше полного безвластія.

Но хотя государства нельзя прямо основать на Евангеліи, но ни въ какомъ случаѣ невозможно отрицать различія между строемъ языческаго и христіанскаго государства и общества. Нашъ покойный философъ В. С. Соловьевъ не внадалгъ, по нашему мнѣнію, въ большую крайность, когда писалъ, что христіанство призываетъ государство, „чтобы оно проводило въ политическую и международную жизнь нравственныя начала, постепенно поднимало мірское общество до высоты церковнаго идеала, пересоздало его по образу и подобию Церкви Христовой“ ³⁾. „Чтобы возродить все чело-вѣчество, христіанство должно проникнуть не только его личныя, но и общественныя стихіи. Богочеловѣческая связь должна быть восстановлена не только индивидуально, но и собирательно. Какъ божественная стихія имѣетъ свое собирательное выраженіе въ Церкви, такъ чисто чело-вѣческая стихія имѣетъ подобное же выраженіе въ государствѣ, и слѣд. богочеловѣческая связь выражается собирательно въ

1) Тамъ же, стран. 23.

2) П. П. Кудрявцевъ, Современная церковно-общественная жизнь, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1906, кн. 1, стран. 151. 152. Ср. Церковныя Вѣд. 1906, № 4, стр. 94.

3) Духовныя основы жизни, изд. 3, С.-Петербургъ, 1897, стран. 163.

свободномъ сочетаніи церкви и государства, при чемъ это послѣднее является уже какъ христіанское государство“¹⁾. Въ такомъ христіанскомъ государствѣ понятія закона, права, власти, подчиненія получаютъ высшее значеніе,—не превращаются въ чисто нравственныя понятія, а просвѣтляются послѣдними, такъ какъ господство, напр., во имя силы замѣняется тогда господствомъ во имя служенія общему благу²⁾.

Не утопіи какія-нибудь говорятъ и тѣ, которые разъясняютъ, что въ международныхъ отношеніяхъ на мѣсто *силы* должна выступать идея *братства* народовъ; не должно имѣть мѣста всякого рода кулачное право и насиліе. „Цѣль международныхъ отношеній не взаимное уничтоженіе и подавленіе, а совмѣстное развитіе и совершенствованіе“³⁾. Законы царства Божія должны проникнуть въ жизнь государственную и общественную. Хотя царство Христово не отъ міра сего, но оно должно преобразующимъ образомъ вліять на міръ,—подобно закваскѣ, подъ дѣйствіемъ которой вскисаетъ все тѣсто. Медленно идетъ это вскисаніе, много препятствій оно встрѣчаетъ, но оно должно быть, иначе „плоть“ останется „плотью“, а „плоть не пользуется ничтоже“. Цѣлое не равно своимъ частямъ и не тождественно съ ними, но законъ добра для отдѣльной личности есть такой же обязательный законъ добра и для общества, въ которое отдѣльная личность входитъ, какъ его часть. Не нужно поддаваться обману. Никакая государственная цѣль, какъ бы она ни была возвышена, не можетъ оправдывать безнравственныхъ средствъ для ея достиженія. Благо государства не есть цѣль безусловная и самодовлѣющая, а су-

1) Тамъ же, стр. 158. 159.

2) Тамъ же, стр. 163.

3) В. И. Экземлярскій, Къ вопросу объ отношеніи нравственности къ политикѣ, въ Трудахъ Киевской Духовной Академіи, 1905, кн. 11, стр. 270.

шествуетъ цѣль, стоящая выше ея,—служеніе самого государства идеѣ общечеловѣческаго развитія, устроенію царства Божія на землѣ ¹⁾).

Обыкновенно говорятъ, что государство и общество опираются на правовомъ порядкѣ и безъ него немислимы, а Евангеліе исключаетъ правовой порядокъ, ибо оно учитъ отказываться отъ своего права и говоритъ о терпѣніи, смиреніи, покорности. Это возраженіе весьма серьезное и его не легко устранить. Безспорно, что Евангеліе не знаетъ борьбы за свое право, да еще борьбы, связанной съ насиліемъ, какъ нынѣ представляютъ государственную и общественную жизнь. Евангеліе стоитъ на идеальной точкѣ зрѣнія и желаетъ, чтобы люди были братьями, сынами одного Отца небеснаго. Лучше, конечно, прощать обиды, какъ прощаетъ долги намъ, по Своему милосердію, Богъ, нежели возстановлять свое личное нарушенное право. Однако, христіанство не отрицаетъ юридическаго строя жизни, что видно изъ отношенія Христа и Его учениковъ къ тогдашнему государственному и общественному порядку. Св. Апостоль Павелъ ссылается въ виду враговъ на свое право римскаго гражданства; онъ требуетъ надъ собою суда Кесаря; онъ защищаетъ достоинство и права своего Апостольства. Евангеліе знаетъ право, какъ право, но не знаетъ вовсе права силы. И кто можетъ отрицать, что наши правовыя отношенія во многомъ возрасли именно на почвѣ христіанства? Правовыя категоріи могутъ быть одухотворены, преобразованы, къ чему и стремится Евангеліе, но совершенно уничтожены онѣ быть не могутъ, какъ имѣющія высшее основаніе: Самъ Богъ есть не только любовь, но и правда, и Христосъ Спаситель является не только нашимъ Искушителемъ, но и Судьею; все дѣло спасенія есть сколько дѣло любви, столько и прав-

¹⁾ Тамъ же, стран. 284.

ды Божіей. Обычная ссылка на слова Господа: „не судите“ (Матѣ. 7, 1), въ доказательство того, что суды вовсе не должны существовать, не имѣть силы, ибо слова Господа направлены не къ носителямъ, или представителямъ власти и суда, которые будто бы выполняютъ свою юридическую функцию незаконно, а они обращены вообще къ послѣдователямъ Христа, которые не должны „осуждать“, „переслуживать“ ближняго своего, его душевное состояніе; гдѣ вовсе нѣтъ рѣчи о судахъ законныхъ.—Вѣрно, что Евангеліе учить терпѣнію, но это терпѣніе не пассивное, а активное, содѣйствующее водворенію добра. Иное. вѣдь, дѣло терпѣть, а иное—что-нибудь утверждать, оправдывать и поддерживать. Христіанство не учить мириться со всякимъ деспотизмомъ и явное неправо считать правомъ. Оно говоритъ только: „не противься злу“ (Матѣ 5, 89), г. е. не противодействуй злу зломъ,—въ виду зла не стань самъ злымъ, а побѣждай злое благимъ (Римл. 12, 21).

Изъ Евангелія никакъ нельзя выводить, что не должно быть судей, начальниковъ, каръ, вообще внѣшнихъ нормъ жизни: въ человѣческомъ обществѣ, въ виду его несовершенства, все это неизбѣжно, но все это должно совершаться непременно по правдѣ Божіей. Евангеліе только учить, чтобы чистю юридическій строй поменьше, гдѣ возможно, заявлялъ себя и выступалъ на его мѣсто строй нравственный. „Кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою; и кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ“ (Марк. 10. 43. 44). Это возвышеннѣйшее евангельское наставленіе должно отражаться чрезъ посредство личности на общественныхъ и государственныхъ отношеніяхъ. „Есть въ христіанскомъ государствѣ господство, но господство не во имя силы, а во имя общаго блага... Есть въ христіанскомъ государствѣ подчиненіе, но не изъ рабскаго страха, а по совѣсти и добровольно, ради того общаго дѣла, которому одинаково служатъ и повелитель и подданные. Суще-

ствуютъ въ христіанскомъ государствѣ права, но права, вытекающія не изъ безграничности человѣческаго эгоизма, а изъ нравственной безконечности человѣка, какъ существа богоподобнаго. Есть въ христіанскомъ государствѣ законъ, но не въ смыслѣ простого узаконенія дѣйствительныхъ отношеній, а въ смыслѣ ихъ исправленія по идеямъ высшей правды¹⁾.

Въ какомъ, спрашивается теперь, отношеніи Евангеліе находится къ наукѣ, искусству, культурѣ?

Говорятъ, что „христіанская наука“, „христіанское искусство“—пустые звуки. „У Евангелія нѣтъ непосредственныхъ точекъ соприкосновенія съ наукою и искусствомъ. Наука и искусство тѣмъ лучше, чѣмъ они свободнѣе, человѣчнѣе. Вопросы науки и искусства не могутъ быть христіанскими вопросами: какъ не можетъ быть христіанскаго вопроса объ электричествѣ, о телефонѣ, такъ и не должно бытъ христіанскаго вопроса о театрѣ, о безубойномъ питаніи, хотя и много нынѣ охогниковъ ставятъ такіе вопросы“²⁾. Но олѣе справедливы, по нашему мнѣнію, тѣ, которые говорятъ, то христіанство „не беретъ на себя рѣшеніе вопросовъ о равильности той или другой астрономической теоріи, о строеніи матеріи, о технической сторонѣ какого-либо произведенія искусства“. Но для христіанства не безразлично, „не ведетъ и наука, переступая границы своей компетенціи, къ отричанію религіи, или нравственности, не служитъ ли искусство изшимъ инстинктамъ человѣческой природы“³⁾. Тутъ христіанство чрезъ посредство личности⁴⁾ дѣйствуетъ возвышаю-

¹⁾ В. С. Соловьевъ, Духовныя основы жизни, стран. 163.

²⁾ Проф. М. Таръевъ, Духъ и плоть, въ Богослов. Вѣстникѣ, 1905, кн. 1, стр. 24.

³⁾ П. П. Кудрявцевъ, Современная церковно-общественная жизнь, стран. 154.

⁴⁾ Этого *посредственнаго* вліянія личности не отрицаетъ и проф. М. Таръевъ.

щимъ и одухотворяющимъ образомъ и на науку и на искусство, при чемъ свобода послѣднихъ не теряется, ибо свобода науки и искусства не въ томъ состоитъ, чтобы заниматься только грубо реальнымъ. И въ наукѣ, и въ искусствѣ должна быть высшая телеологія, а иначе наука и искусство обращаются въ простую „работу“, въ ремесло. Пострадала ли наука и искусство подъ вліяніемъ Евангелія? Не оказало ли послѣднее чрезъ посредство личности своего гуманизирующаго дѣйствія? Въ своей собственной области наука свободна и христіанство сюда не вторгается. Но наука не есть только сумма извѣстныхъ знаній, простое протоколированіе фактовъ, а существуетъ духъ науки, и наука не можетъ быть отрѣшена отъ живой личности. Христіанскаго ученія объ электричествѣ или телефонѣ, конечно, нѣтъ, но христіанская наука есть, насколько она ведетъ къ истинному богопознанію. А плодить наука безвѣріе именно переступая свои собственные предѣлы,—вторгаясь въ ту область, гдѣ мы должны добросовѣстно сказать: „не знаемъ“, и слѣдовательно, она теряетъ свободу объективнаго изслѣдованія. Атеизмъ вовсе не есть признакъ научной свободы, какъ нѣкоторые думаютъ.

Евангеліе не связываетъ себя съ какою-нибудь опредѣленною внѣшнею культурою, и не можетъ связывать, ибо что сегодня считаютъ прогрессивнымъ, то завтра признаютъ уже отсталостью. Но оно и не враждебно этой культурѣ. Евангеліе говоритъ намъ одно: „трудъ, пріумноженіе, движеніе впередъ, но все это должно быть поставлено на служеніе Богу и ближнему, озарено свѣтомъ вѣчности, исторгнуто отъ служенія преходящему“¹⁾. Трудитесь, не стойте на широкомъ поприщѣ жизни праздными, используйте Богомъ данный вамъ талантъ и стремитесь всегда къ истинной культурѣ духа, ведущей къ истинному богопознанію.

1) *A. Harnack, Das Wesen des Christenthums, s 78.*

Считают несомвѣстимымъ съ Евангеліемъ патріотизмъ. который, говорятъ, „можно примирить съ Евангеліемъ только при помощи лицемѣрія и софистики, такъ какъ исходный пунктъ Евангелія—борьба съ національною ограниченностью въ области религіи“¹⁾. Какъ будто бы патріотизмъ ведетъ необходимо къ религіозной исключительности! Можно быть христіаниномъ, не переставая оставаться по національности „іудеемъ, или эллипомъ“; во Христѣ „нѣтъ іудей и эллинъ“ не въ томъ, конечно, смыслѣ, что эти національности упраздняются, а потому, что они равноправны, и іудей не имѣетъ въ дѣлѣ вѣры никакихъ особенныхъ прерогативъ предъ язычникомъ. Христосъ Спаситель молится: „да вси едино будутъ“,—едино, конечно, по вѣрѣ, а не по національности. Можно отрѣшиться отъ религіозныхъ предразсудковъ народа и въ то же время любить свой народъ, какъ любилъ его св. Апостолъ Павелъ, готовый принести все въ жертву ради духовнаго спасенія родного ему по плоти народа. Не мирится съ Евангеліемъ не патріотизмъ, а національный эгоизмъ, признающій только свое и съ враждою и презрѣніемъ относящійся ко всему чужому. Ни Христосъ Спаситель, ни Его ученики не были какими-нибудь космополитами, а Христосъ, какъ извѣстно, плакалъ о несчастной судьбѣ своего народа. „Космополитизмъ, какъ нѣчто отвлеченное, совершенно не можетъ проникнуть въ дѣятельную жизнь человѣка. Любить всѣхъ безъ всякаго различія своего и чужого—это отвлеченная, космополитическая идея, которая почти равна индифферентизму. Человѣку для его любви—любви дѣятельной, а не платонической—нужны болѣе близкіе объекты: семья, народъ, отечество. Близкое отечество подчиняетъ себѣ человѣка гораздо сильнѣе, чѣмъ какое-то всечеловѣчество, на которое каждый отдѣльный индивидъ и не можетъ оказывать

¹⁾ Проф. М. Тартевъ, Духъ и плоть, стр. 24.

непосредственнаго вліянія, если только онъ не міровой гевій... Подъ космополитическимъ чувствомъ легко можетъ укрываться холодное сердце и одно только желаніе витать въ неопредѣленномъ пространствѣ. . Всѣ самые высокіе идеалы, за которыми признано значеніе общечеловѣческое, не могутъ жить и дѣйствовать внѣ народности; они будутъ отвлеченными, безжизненными до тѣхъ поръ, пока не будутъ усвоены народомъ, какъ отдѣльнымъ органомъ челоуѣчества, пока не сдѣлаются его необходимой душевной функціей“ ¹⁾. Много, безъ сомнѣнія, мы вредимъ себѣ являемъ, нынѣ моднымъ, космополитизмомъ, который смутываетъ наши общественныя понятія и ведетъ къ такому общественному „самоотреченію“, которое не должно имѣть мѣста въ томъ, кто себя уважаетъ. Во имя Евангелія нужно отрѣшиться отъ узкаго націонализма, но не отъ патріотизма, готоваго все отдать ради спасенія своего народа и отечества, защиты его лучшаго достоянія.

III.

Не обособляя Евангеліе отъ культуры, общественной и государственной жизни, мы однако далеки отъ того, чтобы разрѣшать Евангеліе въ простую социологію и евангельское совершенство переводить на простыя социальныя формулы. Во множествѣ книгъ и брошюръ нынѣ проводится взглядъ, что Евангеліе есть великая социальная вѣсть бѣднымъ, — все остальное имѣетъ въ немъ только второстепенное значеніе; Христосъ Спаситель былъ, говорятъ, великимъ социальнымъ реформаторомъ, желавшимъ освободить низшіе страждущіе классы населенія; Онъ поставилъ для Себя опредѣлен-

¹⁾ Патріотизмъ и христіанство, въ журналѣ: „Вѣра и Церковь“, 1905, кн. 6, стр. 68. 69. 71.

ую социальную программу, имѣющую въ виду равенство всѣхъ людей, избавленіе ихъ отъ нужды, притѣсненія и всякаго другого общественнаго зла¹⁾. При этомъ нѣкоторые (Каутскій, Энгельсъ) прибавляютъ, что христіанство возникло, какъ отвѣтъ на социальный вопросъ въ Римѣ, что римскій пауперизмъ образуетъ собственно его основу²⁾.

Смотрѣть такъ на христіанство значить совершенно не понимать его сущности и происхожденія. Въ дѣйствительности, Евангеліе вовсе не вторгается прямо въ область какъ бы то ни было социальныхъ и экономическихъ вопросовъ. Оно говоритъ о равенствѣ людей, но равенствѣ неомнѣнно духовномъ; оно учитъ объ избавленіи отъ зла, но не экономического, а опять таки зла духовнаго. Проповѣдь Христа Спасителя имѣетъ не социальный, а религіозный характеръ, и христіанство вовсе не было религіею бѣдняковъ, ли пролетаріевъ, какъ представляютъ нѣкоторые современные социологи. „Блаженны“—говоритъ Христосъ—не прого „нищіе“, а „нищіе духомъ“, и Евангеліе привлекало къ себѣ умы и сердца вовсе не обѣщаніемъ улучшенія экономического положенія. Свою бесѣду въ Назаретской синагогѣ Спаситель начинаетъ словами: „Духъ Господень на мнѣ, ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ и послалъ Меня исцѣлить сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдовать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить змученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣго Господне (агопріятное“ (Лук. 4, 18—19). Здѣсь каждое слово имѣетъ духовно-нравственный, а не социальный смыслъ, и „лѣго

¹⁾ См. *A. Harnack*, *Das Wesen des Christenthums*, S. 56.

²⁾ См. *К. Григорьевъ*, Разборъ мнѣній представителей современнаго социализма о происхожденіи христіанства, въ *Прав. бесѣдникѣ*, 1903, кн. 2, стран. 249—281.

Господне благопріятное“ вовсе не есть лѣто всеобщаго матеріальнаго благополучія, какого-то земнаго рая. Совершенно невѣрно, что перво-христіанская церковь заключала въ себѣ только бѣдняковъ, ибо находились въ ней и богатые христіане, и даже хилястическія ожиданія не были ожиданіями простаго экономическаго довольства.

Евангеліе не заключаетъ въ себѣ никакой соціальной программы, но оно даетъ то, что безконечно выше всякой подобной программы. „Словами: „люби ближняго твоего какъ себя самого“ Христосъ пролилъ свѣтъ во всѣ конкретныя отношенія жизни, въ міръ голода, бѣдности и страданія... О любви къ ближнему не должны говорить тѣ, которые могутъ сносить, чтобы подлѣ нихъ люди томились отъ нищеты и умирали. Евангеліе не только учитъ солидарности и взаимопомощи,—это существенное содержаніе его провозвѣди... Евангеліе желаетъ, какъ справедливо говорятъ, презрѣть социализмъ, покоющійся на предположеніи взаимно утапливающихся интересовъ—въ социализмъ, основывающійся на сознаніи духовнаго единства“¹⁾. Евангеліе не даетъ и вовсе не имѣетъ цѣлью дать какую-нибудь соціальную теорію, но оно разъясняетъ имманентный законъ любви, гуждой всякаго эгоизма, и гдѣ господствуетъ настроеніе христіанской любви и духовнаго единенія, тамъ не имѣютъ силы и остроты разныя соціальныя противоположности и кало происходящаго отъ нихъ зла исторгается²⁾. Тамъ начинается и положительное доброе дѣланіе на пользу страждущихъ, ибо люди, согрѣтые христіанскою любовью, не могутъ сказать несчастнымъ: „идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь“ (Лук. 2, 15). „Кто имѣетъ достатокъ въ

1) *A. Harnack*, Das Wesen des Christenthums, S. 63. 64.

2) *Th. Zahn*, Skizzen aus dem Leben der alten Kirche, Aufl. 2, Erlangen und Leipzig, 1898, S. 107. 111.

рѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него рдце свое,—какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія“ (Іоан. 3, 17)?

Такимъ образомъ, что подмѣчали мы раньше, то гѣтъ мѣсто и здѣсь: не вторгаясь прямо въ социальныя отношенія, христіанство, чрезъ посредство личности, духовно ихъ возрождаетъ и преобразуетъ. Истинный христіанинъ долженъ пробуждать свящую, ослѣпленную привычками совѣсть; онъ проводитъ и поддерживаетъ всякія разумныя мѣры къ улучшенію социальнаго положенія, къ уменьшенію жестокой борьбы за существованіе. Христіанская любовь не исключаетъ, конечно, а предполагаетъ организацію христіанской любви, выражающуюся въ разныхъ рациональныхъ способахъ помощи трудящимся, бѣднымъ.

Христіанство одобряетъ всякое улучшеніе социальной жизни, всякое разумное социальное законодательство. Печально только то, что нынѣшніе социологи часто прикрываются высокимъ духомъ Евангелія, а на самомъ дѣлѣ весьма далеко отъ него. Въ самомъ возвышенномъ тонѣ они ведутъ речь о томъ, что человечество есть единое, великое цѣлое, гавомящаяся Церковь, и я не могу обособить себя отъ того цѣлаго, а долженъ выступить на служеніе ему. Я повиненъ за страданія этого цѣлаго и долженъ искупить ихъ. Во всемъ злѣ жизни, во всѣхъ неправдахъ и преступленіяхъ участвую какъ то и я. Но я не хочу неправды, не очу зла, не хочу чужихъ страданій и горя. Не хочу и мось, прошу у всѣхъ и всего прощенія, плачу и молюсь, готовый на крестныя муки, лишь бы только во всемъ этомъ я участвовалъ... Изъ покаянныхъ чувствъ вырастаетъ любовь, которая хочетъ все утолить, и всѣмъ послужить“¹⁾.

¹⁾ В. Эрнъ, Христіанское ученіе о собственности, въ журналѣ „Вопросы жизни“, 1905, кн. 9, стран. 372. Ср. тамъ же статью проф. С. Бумакова, Неотложная задача.

Какія возвышенныя разсужденія! И, однако, послѣ нихъ читаемъ, что, желая послужить ближнимъ, мы должны „обуздать экономическую похоть“, а это достигается во всякаго рода стачкахъ и забастовкахъ ¹⁾. Но, вѣдь, стачки и забастовки есть насиліе. Да, отвѣчаютъ, дѣйствительно насиліе, но оно необходимо, ибо пока еще не выработаны положительныя религіозныя воздѣйствія на общественную жизнь, въ цѣляхъ, напр., улучшенія экономического положенія рабочаго класса,—воздѣйствія чуждыя насилія, хотя въ будущемъ они несомнѣнно будутъ установлены ²⁾. Итакъ, пока—насиліе, и нужно утѣшаться только тѣмъ, что его когда то не будетъ. Соответствуетъ ли такая программа духу Евангелія?.. Для пынѣшнихъ социологовъ никакихъ затрудненій съ этой стороны не встрѣчается. Они доходятъ даже до того, что съ великою развязностью говорятъ, что Христосъ Спаситель не былъ „совершеннымъ воплощеніемъ христіанскаго пастроенія и христіанскаго поведенія“ ³⁾. Прямо кощунственными являюся слѣдующія слова: „стачка, какъ дѣйствительное средство обузданія экономической похоти въ тѣлѣ челоувѣчества, вызывается именно ревностію о домѣ Господнемъ, о тѣлѣ Христовомъ, а потому она и есть тотъ бичъ, которымъ Христосъ изгонялъ изъ храма торговцевъ“ ⁴⁾. Замѣтимъ, что Христосъ употребилъ бичъ, какъ видно изъ Евангельскаго текста, не надъ людьми, а надъ животными. и съ Его святою ревностію о поруганномъ домѣ Отца Его небеснаго,—дѣломъ чисто религіознымъ можетъ ли идти хотя въ какое-либо сравненіе экономическое насиліе, при-

1) В. Эрнз, стран. 379. 382; ср. С. Бумаковъ, стран. 344.

2) В. Эрнз, Христіанское отношеніе къ собственности, стран. 364. 365.

3) Тамъ же, стран. 380.

4) Тамъ же, стран. 381.

рываемое также ревностью о „домъ Господнемъ“? Боже ась сохрани отъ подобныхъ сравненій!

Далеки отъ Евангелія и его духа тѣ нынѣшнія соціологіи, которыя покоятся на положеніи, что „земля Божія, а е помѣщичья“. Все Божіе.—Господня земля и исполненіе я“ (1 Коринѳ. 10, 25, 28), но это не значитъ, что можно асильничать и расхищать данное нашему ближнему Божіе остояніе. Слышится все тотъ же старый, всѣмъ уже прикучившій, аргументъ о коммунизмѣ въ перво-христіанской еркви и отсюда—заключеніе о необходимости вообще коммунизма, или коллективизма. Но, во-первыхъ, Церковь не есть государство и превратить вполнѣ идеаль церковный въ деаль государственный, какъ того нѣкоторые желаютъ, рѣшительно невозможно; во-вторыхъ, коммунизмъ іерусалимской церкви былъ явленіемъ случайнымъ, недолго продолжавшимся. Много разъ уже разъяснялось, что о строгомъ рожденіи принципа общенія имуществъ въ Іерусалимской церкви не можетъ быть рѣчи, какъ показываетъ примѣръ Анаіи и Сапфиры, а въ другихъ перво-христіанскихъ церквяхъ ни о какомъ общеніи имуществъ не думали (1 Солун., 11—12; 2 Солун. 3, 10; 1 Коринѳ. 13, 3); вечера обви, гдѣ богатые насыщались, а бѣдные голодали (1 Коринѳ. 1, 21), говорятъ ясно противъ общенія имуществъ¹⁾.

Въ связи съ предшествующимъ повторяется все тотъ же доводъ, что Евангеліе требуетъ отреченія отъ собственности и всякая собственность есть будго бы дѣло незаконное. Но гдѣ Евангеліе повелѣваетъ каждому изъ насъ отка- ться отъ своей собственности? Если бы оно это запо-

¹⁾ См., напр., статью *H. Kohler's* Religion und Socialdemokratie въ *Der Beweis des Glaubens*, 1905, Н. 10, S. 289. 290. Ср. : *Григорьевъ*, Разборъ мнѣній, стран. 271. 279 и дал.

вѣдывало, то не сказалъ бы Христосъ Закхею, обѣщавшему раздать нищимъ только половину имѣнія: „нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авраама“ (Лук. 19, 8. 9),—не обличалъ бы ап. Петръ Ананію словами: „чѣмъ ты владѣлъ, не твое ли было, и прибрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось“ (Дѣян. 5, 4),—не убѣждалъ бы ап. Павелъ вѣрующихъ трудиться и своимъ трудомъ создавать себѣ матеріальную независимость отъ язычниковъ (1 Солун. 4, 11. 12). Хорошо, конечно, раздать свое имѣніе нищимъ и чрезъ это, по слову Господа, получить „сто кратъ болѣе домовъ... и земель“ (Марк. 10, 30). Но это отреченіе отъ собственности—дѣло свободы человѣка и никто путемъ насилія не можетъ дѣлать его „совершеннымъ“. Часто ссылаются на слова Господа, сказанныя богатому юношѣ: „все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ, и приходи, слѣдуй за Мною“ (Лук. 18, 22). Но это, во всякомъ случаѣ, только евангельскій совѣтъ, и при томъ не обращается вниманія на послѣднія слова: „приходи и слѣдуй за мною“,—будь Моимъ ближайшимъ ученикомъ, проповѣдуй Мое слово, занимайся миссіонерскою дѣятельностью, какая дѣятельность не всякому, конечно, обязательна. Слѣдованіе за Господомъ имѣетъ многообразныя формы, но увѣщаніе Христа богатому юношѣ: „приходи и слѣдуй за Мною“ показываетъ, что оно здѣсь получаетъ болѣе спеціальныи смыслъ: проповѣдуя Евангеліе, богатый юноша, раздавшій все, долженъ жить отъ Евангелія (1 Коринт. 9, 14). Мы не имѣемъ никакого желанія принижать, какимъ бы то ни было способомъ, евангельскую возвышенную мораль, но считаемъ вполне справедливымъ, что собственность необходима для разумно свободной индивидуальной дѣятельности человѣка¹⁾.

¹⁾ Ср. *прот. Н. С. Стеллецкій*, Соціализмъ—его исторія и критическая оцѣнка съ христіанской точки зрѣнія, въ

Съ евангельской точки зрѣнія богатство само по себѣ не есть зло, какъ и бѣдность сама по себѣ не есть добродѣтель, а они только условія, въ которыя поставилъ насъ Богъ; богатствомъ нужно правильно воспользоваться для блага другихъ, и въ бѣдности не нужно искушать Господа. На одной сторонѣ капитализмъ, на другой—бѣдность, это, конечно, печальнѣйшая противоположность, но она должна быть свободно сглаживаема любовію христіанскою, а не какимъ-нибудь насиліемъ. Есть въ Новомъ Заветѣ одно писаніе, какъ бы специально направленное, съ одной стороны, къ богачамъ, съ другой—къ угнетаемымъ и притѣсняемымъ ими бѣднымъ. Разумѣемъ посланіе св. Апостола Іакова, епископа Іерусалимской церкви. И, однако, св. Апостолъ не дѣлаетъ нигдѣ ни малѣйшаго намека на то, чтобы онъ желалъ уничтожить собственность, противоположность богатства и бѣдности. Онъ обличаетъ только то духовное настроеніе, вслѣдствіе котораго социальное неравенство представляетъ великія опасности для религіозно-нравственной жизни, и гибельную острогу социальнаго неравенства желаетъ уничтожить именно измѣненіемъ настроенія: богатый пусть хвалится „смиреніемъ“ своимъ,—пусть всегда помнитъ о ненадежности, скоропреходимости своего богатства (1, 10, 11) и не угнетаетъ бѣдныхъ, трудящихся на его нивахъ (5, 4); бѣдный пусть не озлобляется противъ богачей, не ласкательствуетъ предъ ними, унижая своего брата—бѣдняка (2, 1 и дал.), а пусть хвалится высотой своею, т. е. высотой христіанскаго званія (1, 9).

Печальную противоположность капитализма и нужды Евангеліе, повторяемъ, стремится уничтожить не какимъ-либо насиліемъ, а своимъ ученіемъ о богатствѣ, которое есть для

Трудахъ Киевской Духовной Академіи, 1905, кн. 6, стран. 204. 205.

ласть нѣчто „чужое“, т. е. вѣдшее, извнѣ намъ данное (Лук. 16, 12), и обладаніе имъ вѣрено намъ только для того, чтобы, при правильномъ употребленіи его, спискать намъ милость Божию. Правильное употребленіе земныхъ благъ служить для насъ какъ бы пробнымъ камнемъ, можемъ ли мы обладать высшими духовными благами (Лук. 16, 10—12). Смысль притчи Господа о неправедномъ домоуправителѣ, такъ многихъ затрудняющій, тотъ, что нужно подражать неправедному домоуправителю и вообще „сынамъ вѣка сего“ не въ самомъ ихъ дѣйствovanіи, или въ *содержаніи* ихъ дѣйствovanія, а въ методикѣ или *формѣ* ихъ дѣйствovanія. Пользуйтесь богатствомъ—заповѣдуетъ Христосъ Спаситель—для своихъ истинно христіанскихъ цѣлей съ такою же мудрою предусмотрительностью, настойчивостью, не жалѣя этого богатства „неправеднаго“, т. е. обманчиваго, ненадежнаго, скоро преходящаго, съ какою предусмотрительностью, въ своихъ чисто эгоистическихъ разсчетахъ, поступалъ неправедный домоуправитель. Благотворите бѣднымъ, немущимъ,—скрѣпляйте узы христіанской любви, христіанскаго единенія, и это поведетъ къ тому, что, когда вы оскудѣете, т. е. жизнь ваша оскудѣетъ,—вы приблизитесь къ смерти, эти бѣдные помогутъ вамъ оказанными имъ дѣлами благотворенія войти въ вѣчные кровы Отца небеснаго. Евангеліе не знаетъ „сложной“ соціальной техники“, тѣмъ болѣе не знаетъ рекомендуемыхъ послѣднюю всѣхъ стачекъ и забастовокъ, а оно желаетъ помочь человечеству развитіемъ христіанской любви, милости, благотворительности, возвышеніемъ духовнаго настроенія, хотя никакому разумному соціальному законодательству, какъ мы сказали, оно не противится и вовсе не исключаетъ организаціи христіанской любви. Христіанство, напр., не ставитъ препятствій образованію полезныхъ рабочихъ союзовъ (не задающихся, конечно, какими-либо революціонными цѣлями), регулированію фабричнаго дѣла изданіемъ закона, нормирующаго трудъ

абочаго и предохраняющаго его отъ всякой эксплуатаціи т. п. 1).

Безъ сомнѣнія, мы много виновны въ томъ, что лю- имъ только утѣшать бѣдныхъ и мало обращаемъ свое лово къ богатымъ. Грустною ироніею звучать наши рѣчи, огда, обладая часто слишкомъ многимъ, мы убѣждаемъ, съ покойною совѣстью, другихъ довольствоваться весьма ма- ымъ и затворяемъ отъ нихъ свое сердце (1 Иоан. 3, 17). ьправедливо пишетъ одинъ изъ нашихъ богослововъ, что если... вопреки естественному и божественному законамъ, огатые забываютъ о своемъ долгѣ по отношенію къ бѣд- ымъ и дрожатъ надъ своимъ имуществомъ, боясь, какъ бы ослѣдніе не пожелали „насытиться, хоя крупянами, па- лющими отъ трапезы господъ своихъ“ (Матѣ. 15, 27),— о вотъ вамъ, хотя и не оправдываемое нравственно, однако знятное психологически, происхожденіе „соціальной ереси“ 2). та „соціальная ересь“, т. е. нынѣшняя соціаль-демократія ривлекаетъ къ себѣ своимъ сочувствіемъ бѣдности, ни- етъ,—желаніемъ сдѣлать существованіе всѣхъ людей сно- ымъ. Она имѣетъ глубоко-жизненный характеръ 3). „Она етъ, вѣдь, на встрѣчу людскимъ запросамъ; она считается ь ними не высокомерно и снисходительно, не для вида лько, а съ увлеченіемъ“ 4) Но не будемъ вовсе соблаз- ться этими свойствами и закрывать глаза на многое дру- ое. Можно преслѣдовать гуманныя цѣли и достигать ихъ ьвершенно негуманными средствами: въ этомъ именно по-

1) Ср. проф. *Е. П. Аквилоновъ*, Христіанство и соціаль- демократія въ отношеніи къ современнымъ событіямъ, въ Христ. геніи, 1906, кн. 1, стран. 60 и дал.

2) Проф. *Е. П. Аквилоновъ*, тамъ же, стран. 58.

3) *Д. Боголюбовъ*, Христіанство и соціаль-демократія въ ерковномъ Голосѣ, 1906, № 5, стран. 146. 147.

4) *Д. Боголюбовъ*, тамъ же, стран. 147.

винна „соціальная ересь“, пользующаяся всякимъ насильемъ, г. е. средствомъ безусловно противнымъ христіанству. Можно преслѣдовать гуманныя цѣли, но цѣли по существу мечтательныя, утопическія: въ ятомъ также повинна соціаль-демократія, мечтающая о какомъ-го раѣ земномъ, тогда какъ души черствыя и сердца недовольныя всегда будутъ. Счастье и довольство челоѣка можно понимать самымъ узкимъ, одностороннимъ образомъ, прямо принижаяющимъ челоѣка. И такъ, полагаемъ, опредѣляетъ его соціаль-демократія, считая челоѣка только существомъ питающимся, — обращая вниманіе исключительно на экономику и игнорируя высшія потребности духа. Отсюда неизбежный упадокъ въ будущемъ науки, искусства и преобладаніе однихъ только внѣшнихъ техническихъ знаній.

Одинъ изъ нашихъ соціологовъ справедливо говоритъ. „Христіанство потому уже не можетъ раздѣлять... идеала гедонистическаго социализма, что онъ совѣтъ для него не идеаль, а лишь одинъ изъ вариантовъ первоначальнаго искушения — соблазнъ поклониться тому, кто камни превратитъ въ хлѣбы. Главное же, христіанству совершенно не соотвѣтствуетъ вѣра въ достижимость безмятежнаго благополучія на землѣ такими внѣшними и, въ сущности, незамысловатыми средствами, какъ механической социализмъ. Человѣчество никогда не успокоится и не устроится окончательно на землѣ, и каждая пора будетъ имѣть достаточно и своихъ заботъ, и своихъ страданій, а послѣднія, болѣе сознательныя (?) времена даже больше, чѣмъ первыя. Агеистическій социализмъ, взятый со стороны своего челоѣко-божескаго идеала, содержитъ въ себѣ начало безусловно анти-христіанское, создаетъ плѣнь для души, — обманчивой личной вводитъ въ искушеніе, лукаво предлагая поклониться за хлѣбы 1).“

1) Проф С. Булаковъ, Неоглодная задача, стран. 353. 354.

Спасеніе человечества не въ социаль-демократіи, которая, къ счастью, имѣеть сравнительно немного поклонниковъ и на Западѣ: вѣршимъ механизмъ, да еще насильственнымъ, ничего не поможешь, а спасеніе чловѣка въ его внутреннемъ, — въ правильной оцѣнкѣ временнаго и вѣчнаго и дѣйствованіи по этой нормѣ, согласно требованіямъ любви христіанской.

Мы старались показать, что Евангеліе нельзя какимъ бы то ни было способомъ принижать, исчерпывая его содержаніе всецѣло служеніемъ земному довольству, земному благополучію. Но, съ другой стороны, невозможно во имя Евангелія и игнорировать жизнь съ ея естественными запросами и потребностями: Евангеліе знаетъ нужду, знаетъ горе, физическое страданіе и старается ихъ облегчить. Безконечно возвышенно ученіе Христа Спасителя, но чрезъ посредство творческой личности оно дѣйствуетъ преобразующимъ и одухотворяющимъ образомъ на всѣ стороны социальной жизни. Евангеліе вовсе не содержитъ въ себѣ какой-нибудь „социальной научной техники“, но оно не исключаетъ организаціи христіанской любви; пусть только эта организація дѣйствительно соотвѣтствуетъ послѣдней, а не прикрывается только ея великимъ именемъ, проводя въ дѣйствительности грубѣйшее насиліе. Все наше земное должно озаряться вѣчнымъ и немерцающимъ евангельскимъ свѣтомъ. „Да прійдетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ“ (Матѣ 6, 10), — таковъ сердечный искренній вздохъ всякой вѣрующей христіанской души.

Д. Богданевскій.